

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Еще смерть, еще утрата -- еще не стало одного примечательного человека в русской литературе и русском обществе, которые по справедливости могли гордиться им: известный поэт русский, Алексей Васильевич Кольцов, скончался в Воронеже, прошлого года, в октябре месяце, на *тридцать третьем* году от роду... Тяжела и горька была жизнь этого человека, страшна была смерть его... В продолжение почти двух лет он медленно хилел и таял, прбводя время в лечении, то оправляясь, то вновь и еще сильнее одолеваясь тяжким внутренним недугом... Крепкая и сильная натура его могла бы еще преодолеть болезни тела, но семейные огорчения, совершенное одиночество среди близких ему, но не понимавших его людей, потерянное время в прошедшем и безнадежность в будущем, горькие разочарования в том, что любил и за любовь к чему встретил вражду и ненависть, потрясли в основании этот мощный и благородный дух... Пожираемый лютою чахоткою, одинокий и отчаянный, лишенный не только участия -- даже пособий врачебных (ибо ему не на что было покупать лекарства), Кольцов окончил страдальческую жизнь свою 19 октября прошлого года, в три часа пополудни... Кто знал этого человека лично и умел понимать и ценить его,-- для тех неожиданное и уже позднее известие о смерти его было истинным ударом...

Кольцов родился в Воронеже 1809 года, октября 2-го дня¹. Его не совсем основательно называли поэтом-самоучкою, смешивая с простолюдинами, которые, в зрелых летах выучившись грамоте, сочли это за право кропать стихи. Кольцов знал грамоте с малолетства; по инстинкту, он всегда стремился к сближению с людьми, отличенными искрою божиею,-- и никогда не обманывался в своем выборе. Рано проснулась в нем страсть к чтению, и жадно читал он всякую книгу, какая только попадалась ему под руку. Дружба с одним молодым человеком, *Серебрянским*, подобным ему горемыкою, которого также уже нет на свете, имела сильное и решительное влияние на внутреннюю жизнь Кольцова. Серебрянский был человек замечательный, с душою, с умом, с редкими дарованиями,-- чему может служить доказательством статья его "Мысли о музыке" {"Московский наблюдатель" 1838 года, том XVII, стр. 1.}. Получив образование схоластическое, Серебрянский взял от него только одни, хотя и скудные, сведения, и сам довершил свое воспитание чрез чтение и через суровую школу нужды, бедности и тяжелого опыта, в борьбе с которыми и пал, сраженный преждевременною смертию... Потом судьба свела Кольцова с одним из тех людей, которые не всегда бывают известны обществу, но благоговейная память и таинственные слухи о которых из тесного кружка близких им людей переходят иногда и в общество: мы говорим о *Станкевиче*... Через него Кольцов вошел именно в такой круг людей, которого всегда жаждала душа его,-- и единственными счастливыми эпохами в его жизни были встречи его с этими людьми, во время его поездок по торговым делам отца в Москву и Петербург. Небольшая книжка изданных в свет его стихотворений² доставила ему честь личного знакомства с Пушкиным, Жуковским, князем Вяземским, князем Одоевским и другими известными литераторами,-- и он был всеми ими радушно принят и обласкан. Некоторые изъявили ему свое участие даже оказанием помощи в делах его,-- и в этом случае Кольцов особенно хранил признательную память к князю Вяземскому. 1836--1840 годы были самые счастливые для его развития. Кольцов тогда был необходим для дел отца своего и потому часто бывал и долго жил в Москве и Петербурге, приобретая себе книги и на собственные средства и получая их в подарок от всех знакомых ему литераторов. Но, несмотря на то, он всегда чувствовал, что его воспитание невозвратно заключило его в ограниченный круг нравственного существования,-- и его глубокий, смелый, ясный ум, верный такт действительности служили ему больше к горестному сознанию этой истины, чем к выходу из заколдованной черты, обведенной вокруг него судьбою. И он глубоко страдал, видя, что многое для него мудрено и непостижимо потому только, что ново и непривычно. С ранних лет ринутый в жизнь действительную, он коротко знал, глубоко понимал ее,-- и, судя по его практическому такту, его иронической улыбке, его осторожному разговору, многие дивились, как он в то же время мог быть поэтом... Есть люди, которые смотрят на поэта, как на птицу в клетке, и заговаривают с ним для того только, чтоб заставить его петь: так любители соловьев трут ножик о ножик, чтоб звуками этого трения